

УДК 821.161.1.09"19"
ББК 83.3:87.3(2)

Фетисенко Ольга Леонидовна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы,
Россия, Санкт-Петербург, e-mail: betsy98@mail.ru

**Переписка П.П. Перцова и Б.В. Никольского
(1896 – 1900)¹**

Часть 2

Подготовка текста и примечания О.Л. Фетисенко

Fetisenko Olga Leonidovna

Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS, Advanced PhD (Philology), Chief Scientist Researcher of the Department of New Russian Literature, Russia, St. Petersburg, e-mail: betsy98@mail.ru

Correspondence of P.P. Pertsov and B.V. Nikolsky (1896–1900)

Part 2

Text origination and notes by O.L. Fetisenko

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.3.180-194

13

*П.П. Перцов – Б.В. Никольскому
5 (17) ноября 1897 г., Флоренция*

Флоренция. 5/17 ноября 97 г.

Многоуважаемый Борис Владимирович!

Позвольте напомнить Вам о моем существовании, которое, по всей вероятности, сделалось уже для Вас проблематическим.

Не знаю, известно или неизвестно Вам, что в конце апреля сего года я отбыл из Петербурга на Аппенинский полуостров¹, на коем и продолжаю мое пребывание даже и до сего дня.

Давно уже намеревался вступить в сношение с Вами, но не знал точного Вашего адреса и не знал даже, находитесь ли Вы в Любани или Петербурге. Вос-

© Фетисенко О.Л., 2020

Соловьёвские исследования, 2020, вып. 3, с. 180.

¹ Часть 1 см.: Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66).

пользоваться же адресом, проставленном на этом конверте, почему-то не приходило в голову. Наконец сегодня, раскрывая в местной читальне очередной № «Нового Времени», нахожу проспект «Историч<еского> Вестника» за ноябрь и в нем статью Вашу о «Вечных Спутниках»². Дальнейшее естественно; также как естественно будет и то, что Вы пришлете мне оттиск этой статьи в Рим (p<oste> r<estante>³), куда направьте и письма Ваши, ежели намерены писать.

Что сказать Вам о себе? Рассказывать мою Одиссею, затянувшуюся непредвиденно долго даже для меня самого, было бы не только продолжительное, но и удручительно. Достаточно сообщить текущее: прожив здесь более месяца, направляюсь в Рим, где думаю остаться до весны, а там (конец нашего марта) в Петербург⁴.

А что поделяете Вы? Что Ваши экзамены⁵, критика, планы и пр.? И где Вы находитесь? Здесь я вижу «Новое Время» ежедневно, и потому захватил отчасти концы Вашей полемики по вопросу о гонораре⁶ – признаюсь, ограничился прочтением Вашей подписи. А в первое время моей эмиграции я до такой степени отвык от русского шрифта, что – не поверите – был изумлен его очертаниями, встретив в Цюрихе лист «Нов<ого> Времени». Прескверный шрифт – если желаете знать этот «объективный» взгляд.

«Что нового в литературе?» – вопрос, каждый месяц предлагаемый г. Сементковским читателям «Нивы»⁷ (отнюдь не наоборот). Насколько могу судить – всё по-старому. Марксисты грызут народников, как Уголино череп своего врага⁸; Владимир Соловьев издает новеллы к своему моральному кодексу⁹; Волынский ищет и не может найти Леонардо-да-Винчи¹⁰; Буренин обращает нижний этаж «Нов<ого> Времени» в подобие виденной мною в Риме sloasa maxima¹¹ и наконец – в качестве новинки – либерально-театральный комитет печется о нравственности авторов.

Да, Шперк умер, – унеся с собой в могилу тайну своей «загадочной личности»¹², для Вас, да и для меня.

Кажется, все? Если нет – просветите. А пока позвольте пожелать всего лучшего и просить передать мое приветствие Екатерине Сергеевне.

Преданный Вам
П. Перцов

Примечания

¹ О первом путешествии Перцова в Италию см.: Когда присоединят Рим к России? (Письма П.П. Перцова к В.В. Розанову из Италии) / вступ. статья, подгот. текста, коммент. О.Л. Фетисенко // Archivio russo-italiano VII = Русско-итальянский архив VII. Salerno, 2011. С. 67–100.

² Речь идет о статье Б.В. Никольского «„Вечные спутники“ г. Мережковского» (Исторический вестник. 1897. Ноябрь. С. 593–601). Задумывая статью, Никольский записал в дневнике (13 сентября 1897 г.): «И глуп Мережковский, а характеристике не поддается. В чем тайна его бесполовости? Не знаю. Риторика, разумеется, душа его души; но риторика не устная, а письменная. Вообще он убудок какой-то нигилизма и классической системы. Все так; а в чем центр индивидуальности – не понимаю. А это главное. В нем трогательна бескорыстная любовь к ис-

кусству, его всегдашняя готовность благоговеть и восторгаться. Вообще в нем любопытно то, что он нашу русскую жизнь меряет на западный аршин, но знает ее немного, и потому неукоснительно приходит к любви к своему родному. Так он вдруг понял, что Пушкин велик и всему великому равен даже с западной точки зрения – и так и ахнул. За эту-то ересь его и обругали все: одни за нелепый аршин, другие – за добросовестное мерянье. И все правы. А Мережковского жаль. И дурак он, а жаль» (*Дневник*. Т. 1. С. 127).

³ 11 ноября Никольский вышлет отгиск Перцову в Италию (см. п. 14). См. также отзыв Перцова об этой статье в письме к Никольскому от 21 ноября (3 декабря н. ст.) и 4 (16) декабря и письмо Никольского от 27 ноября.

⁴ 12 (24) апреля 1898 г. Перцов будет писать Розанову из Рима и назовет временем своего возвращения 21 апреля ст. ст. (см.: Когда присоединят Рим к России? С. 98).

⁵ Никольский готовился к магистерскому экзамену, который будет держать 23 марта 1898 г.

⁶ Полемика о предпочтительности разных видов денежного вознаграждения за труд профессора (единообразное жалование или «гонорарная система») развернулась в августе – начале сентября. Никольский полагал, что нужно увеличить жалованье в 1,5–2 раза, но также непременно сохранить и систему гонораров, поскольку она помогает выделить наиболее талантливых профессоров (см.: *Никольский Б.В.* Гонорар или призвание // Новое время. 1897. 2 сент. № 7728. С. 1–2; 3 сент. № 7729. С. 2; 4 сент. № 7730. С. 2; *Никольский Б.В.* О призвании к гонорару // Там же. 15 сент. № 7741. С. 1–2). Перцов подразумевает, вероятно, статью «Итоги гонорарных толков» (Там же. 30 сент. № 7756. С. 1–2).

⁷ Критик и переводчик Ростислав Иванович Сементковский (1846–1918) в 1897 г. стал редактором журнала «Нива»; «Что нового в литературе» – название его критических обзоров.

⁸ «Божественная комедия», Ад, XXXII–XXXIII.

⁹ «Моральный кодексом» Соловьева Перцов называет его книгу «Оправдание добра», а «новеллами» к нему – брошюру «Право и нравственность» (1897 г.) и, возможно, статью «Судьба Пушкина» (Вестник Европы. 1897. № 9).

¹⁰ Волынский работал над книгой «Жизнь Леонардо да Винчи» (отд. изд.: СПб., 1899 г.).

¹¹ Древнеримская канализационная система.

¹² Ф.Э. Шперк умер 7 октября 1897 г. в санатории Халила в Финляндии, 11 октября похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге (см.: <*Розанов В.*> Ф.Э. Шперк. Некролог // Новое время. 1897. 12 окт. № 7768. С. 3; *Розанов В.* Памяти Федора Эдуардовича Шперка // Русское обозрение. 1897. № 11. С. 459–465). См. также дневниковую запись Никольского от 11 октября 1897 г. – о похоронах Шперка (*Дневник*. Т. 1. С. 132). Ср. в дневнике Никольского от 4 июня 1897 г.: «Вчера в городе узнал печальную новость: у Шперка запущенная и едва ли не безнадежная чахотка. Разумеется, этого должно было ждать <...>. Я застал только его мать (самого его уже отвезли в Халилу), которая проливала передо мною всевозможные слезы, точно не она его оставила на произвол судьбы и всунула в тиски каторжных тревог и неизвестности. Ну, да в таких делах судить очень трудно. Но мне это грустно. Шперк обещал из себя хоть небольшую и шальную, но смелую и пылкую силу в области независимого консерватизма. На молодых вроде Розанова надежда плоха» (*Дневник*. Т. 1. С. 78–79). В словах Перцова об унесенной в могилу тайне «загадочной личности», возможно, звучит аллюзия на последние строки Пушкинской речи Ф.М. Достоевского. Ср.: «Пушкин умер ... и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 149).

14

Б.В. Никольский – П.П. Перцову
11 ноября 1897 г., Петербург

11-го ноября 1897-го г.
Спб. Слоновая¹ 64.

Многоуважаемый
Петр Петрович!

Как видите, пишу чужими руками: нажил «писчий спазм», сиречь Schreiberkrampf, и на месяц лишен права прикасаться к перу, чтобы не лишиться возможности к этому на всю жизнь. Сама судьба хочет, чтобы я говорил, а не писал, и сам Репетилов не мог бы сказать про меня:

«Вот таких людей бы сечь-то

И приговаривать: писать, писать, писать!»²

Статья о Мережковском³ была одною из тех, на которых я окончательно надорвался. Безруким быть ужасно – постоянное раздражительное состояние, какая-то письменная немота, непрерывная зубная боль в правой руке, неуменье думать «в сухую» – словом, со мною теперь лучше не спорить, хотя потребность высказаться сильнее, чем когда-либо. Теперь приступаю усиленно к экзаменным занятиям, которые также болезненно растянулись, как мой переутомленный нерв в правой руке. Статью о Мережковском посылаю. Сознаюсь, что она была с моей стороны некоторым колдовством: как Фауст вызывал духа земли, произнося его знак⁴, так я постарался вызвать дух Мережковского, чтобы его знак сам мне предстал в виде Вашего письма. Последнего мы с женой ожидали уже с 3-го числа, не зная, что Вы в пределах Авзонии счастливой⁵. – Из статьи имеете усмотреть мое окончательное мнение: жестокое благожелательство, искренно благожелательное и искренно жестокое. Не скрою, что не без Вашего содействия слышались в моих суждениях вначале снисходительные, а потом и благожелательные ноты. Остальное прочтите сами.

Что нового в литературе – не знаю, т<ак> как вообще этой особы вокруг себя не вижу. Упоминаемые Вами деятели к литературе не имеют никакого отношения, кроме разве Шперка, но тот зато умер.

В нашей юридической науке есть событие, но, как писал дьякон Ахилла: «Вы этого по Вашей провинциальности не поймете»⁶, тем более, что даже, как пишете, от русского шрифта отвыкли и до того несчастны, что даже не понимаете, что это несчастье. Т.е., говорю, конечно, не о типографской эстетике, т<ак> как бесспорно церковнославянский шрифт, или устав, или даже полуустав⁷, несоизмеримо красивее нашего гражданского шрифта, скопированного Петром с шрифта французского. В частности, шрифт «Нов<ого> Времени» есть идеал газетного русского шрифта: максимум компактности и максимум четкости. За одно изобретение последних в нем улучшений, едва ли и замеченных читателями, Суворин заплатил около 3000 рубл<ей>.

О своих планах сказать могу немного. Теперь буду зубрить, – потом сдавать экзамены, потом читать лекции. В промежутке буду писать и непременно

решил издать хоть небольшой сборник своих стихотворений (с видами на Пушкинскую премию)⁸; но это не ранее лета или осени. Это и все, т<ак> как «борьба за кафедру» и ее стеснительные условия покамест наполняют все мое существование. Да и вообще для того, чтобы писать, мне сперва еще нужно вылечить руку.

Очень рад, что Вы мне написали и впредь обещаете писать; я корреспондент ак<к>уратный даже чужими руками. Если это письмо покажется Вам хуже прежних, то имейте в виду, что я его диктовал, к чему совершенно не привык и, несвязанные буквами, строками, страницами и пр., мои мысли так и разбегаются.

Жена моя, которая писала это письмо, благодарит Вас за поклон и кланяется.

А что и где сам Мережковский и какое впечатление произвела на него моя статья?⁹

По справедливости он должен бы был быть ею доволен и в самой жестокости ценить благожелательность.

Преданный Вам
Б.Н.

Примечания

¹ С 1900 г. – Суворовский проспект.

² Цитата из комедии «Горе от ума» (д. IV, явл. 4).

³ Имеется в виду рецензия на книгу «Вечные спутники» Д.С. Мережковского (см. примеч. 2 к п. 13).

⁴ «Фауст». Ч. I, сцена «Ночь».

⁵ Т.е. в Италии; отсылка к стиху из «Путешествия Онегина»: «Сыны Авзонии счастливой».

⁶ Цитата из «Соборян» Н. С. Лескова (ч. 5, гл. 4).

⁷ *Устав* – четкие прямые буквы без наклона; *полуустав* – более округлый почерк, вошедший в употребление во второй половине XIV в.

⁸ Издание выйдет значительно позже. См. примеч. 9 к п. 27. О Перцове как возможном издателе Никольский думал в сентябре 1897 г.: «Вот не издаст ли Перцов сборничка моих стихов. Сам я не могу, денег нет...»; «...пора двинуть стихи. Только на Перцова я как-то плохо рассчитываю. Вероятно он что-нибудь Мережковскому издает. А кроме него мне издателя не найти» (*Дневник*. Т. 1. С. 129, 130; записи от 24 и 26 сентября). Пушкинская премия Императорской Академии наук была учреждена 17 августа 1881 г. за лучшие поэтические произведения. Никольский ее лауреатом не стал.

⁹ Мережковский рекомендовал ее Перцову в письме от 6 ноября: «очень умная и талантливая ... даже удивительно умная и остроумная» (Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / публ. М.Ю. Кореневой // Русская литература. 1991. № 2. С. 172).

15

П.П. Перцов – Б.В. Никольскому

1897 г. 3 dec./21 n.

Рим. Hôtel de Russie. № 58.

Действительно, многоуважаемый Борис Владимирович, Ваша болезнь должна быть крайне неприятной, к<ак> сама по себе, так и по вызываемому ею настроению. О последнем сужу, к<ак> по собственным Вашим словам, так и по письму, распекающему меня за вину и без вины со строгостью, достойной самого Вашего «исторического» «генерала» (если позволено будет мне отнестись так фамильярно о почтенном Вашем тесте)¹. Впрочем, и сами Вы предусмотрительно указываете мне «не раздражать» Вас. Поэтому, постараюсь в дальнейшем избегать по возможности огнеопасных пунктов.

И прежде всего приношу благодарность за оттиск², к<ото>рый я прочитал с интересом к<ак> сами можете судить, довольно значительным. Постараюсь передать с большей или меньшей полнотой свои впечатления *pro et contra*³, ибо статья представляется мне весьма любопытной и характерной, как для автора критикуемого, так еще более для критикующего.

И прежде *pro*. Во-первых, необходимо отделить эту статью из всего, что доселе было писано и написано о Мережковском. То всё – печатная бумага, большей частью испорченная (если не испачканная) «за-напрасно», как говорят у нас на Волге. Исключения я не делаю и для Спасовича⁴ с его жонглерством. Ваша статья, на мой взгляд, есть первая ласточка, прибывшая под окошко Мережковского, и я не удивляюсь, что он остался ею более нежели доволен (судя по его письмам)⁵. Но *plus royaliste, que le roi*⁶, я, с проницательностью и взыскательностью поклонника, имею поставить некоторые NB NB.

Статья Ваша, вообще говоря, совершенно верна. Действительно, М<ережковский> блуждал, подобно «отверженному», по всем святым местам культуры, действительно, набрел он среди них на русские обители и понемногу вживается в их чинность и скромность⁷. Но – будучи совершенно верной, статья Ваша одновременно совершенно не права. Не права, столько же в оценке явления, сколько и в его передаче. Дело в том, что правда в ней сказанная – половинная правда, а Вы знаете, что прекрасная английская поговорка г<ово>рит: «пол-правды есть уже неправда»⁸. К<ак> видите, я довольно быстро перехожу к *contra*. Но ведь в этом и весь интерес?

Собственно дело здесь не в Мережковском, и он – лишь частное следствие общей причины. Дело в общей Вашей несправедливой, на мой взгляд, оценке этого явления русского скитальчества⁹, к<ото>рого М<ережковский> представляет лишь один из многих примеров. Вы не станете отрицать, что все сказанное Вами о нем и об его культурных скитаниях применимо к большинству (если не ко всем) нашим писателям, начиная более всего с самого Пушкина. Одним словом, это – тот «русский скиталец», о к<ото>ром г<ово>рил Достоевский и еще более писал Страхов¹⁰. Стало быть, дело известное. Вопрос состоит в том, к<ак> отнестись к этому явлению, как к безусловно отрицатель-

ному (подобно Вам) или как к заключающему в себе частичную, а б<ыть> м<ожет> и значительную и необходимую правду?

Впрочем, оговорюсь. В одном месте статьи Вы к<ак> будто предполагаете, что эта беспочвенность М<ережковского> является единственно следствием «печальных обстоятельств» нашего времени (столкновения нигилизма с «классицизмом» и т. д.)¹¹. Т. е. явление это представляется случайным, временным, изолированным, и имеет исчезнуть вместе с породившим его «безвременьем»¹². Вообще Вы нигде не привели в связь оных скитаний М<ережковского> с хождениями его предшественников, до Алеко включительно¹³. И этот пробел несомненно ошибочен, сообщая всему изложению неверный исторически характер. Отражение крупного и сложного явления принимает вид почти случайного события личной жизни такого-то писателя. А между прочим при ином отношении, мне кажется, изменился бы и самый тон Вашей критики по адресу М<ережковского>, ныне при всей «благожелательности» все же чрезмерно, употребляя другое Ваше выражение, «спускающийся с высоты»¹⁴.

Между тем, невозможно предполагать, чтобы упомянутая историческая связь была Вам неизвестна или Вами незамечена. Поэтому возвращаюсь: дело лишь в оценке этого традиционного скитальчества, начало к<ото>рому положил, конечно, саардамский плотник и петербургский Медный Всадник¹⁵.

Неполная это истина или полная ложь?

Верный ученик Страхова полагает, что единственные «истинно-русские», отличительные, органические, неизменные и всеспасающие свойства суть исключительно те, которые суммируются термином: «кротость голубиная»¹⁶. «Змеиная мудрость» – во-первых «змеиная» – ухищрение злого и коварного первого обольстителя, а во-вторых есть ложная и столь же коварная «мудрость» гниющего Запада¹⁷.

Я позволю себе сделать отступление в область личной биографии. В письме Вашем нахожу дружеское соболезнование о постигшем меня несчастье – не видеть в течение нескольких месяцев суворинского усовершенствованного шрифта (положим, несчастье уже минувшем, ибо ныне каждый день – порадитесь! – вижу оный шрифт и стараюсь разгадать все его тайны). Я отвечу одновременно и по отделу автобиографии и «по теории», обратив Ваше благосклонное внимание на то знаменательное обстоятельство, что гербом государственным Российской Империи признан *двуглавый* орел: одна голова смотрит на Восток, другая на Запад.

«Вот», как выражается в таких случаях «Николай Константинович» Михайловский (известно, что этого писателя нельзя упоминать, не цитируя одновременно его имени и отчества).

Вот. Оградившись таким путем ссылкой на официальные установления и «коренные законы»¹⁸, я позволю себе спросить, что стала бы делать и что будет делать Россия в бездонных глубинах азиатского добродушия и буддийского смирения (а вся ее роль – там, или – нигде), если она явится туда в «час определенный»¹⁹, отсеки предварительно орлу своему его мятежную левую главу

и вооружившись только тем оружием и теми же свойствами, к<ото>рых вековые запасы сложены уже задолго до нее в том очарованном царстве?

Зачем носить воду в море?

Вы не потребуете от меня подробных комментариев, имея с одной стороны в виду размеры конвертов, допускаемых к приему почтовыми учреждениями, – с другой, не желая, вероятно, по человеколюбию распространения и на меня постигшего Вас недуга²⁰. Итак, я могу ограничиться этим наброском, предоставляя Вам самим дополнить все необходимые подробности и вывести должные следствия.

И вот, стоя на этой точке зрения, я не могу отнестись безусловно отрицательно не только к глубоко-симпатичному, знаменательному и правдивому паломничеству Онегина – Рудина – Мережковского, но даже к таким проявлениям «западничества», к<ак> российские либералы до того же «Николая Константиновича Михайловского» включительно.

Конечно, застрять в чужих палестинах, когда есть своя обетованная земля – в одинаковой мере и грешно, и глупо, но путь в эту землю лежит через те палестины, и сама она граничит с ними.

А Вы, вместе со Страховым и столькими и столькими, хотите целиком услатить нас за Уральский хребет.

Но оставим «общее» и обратимся к «частному». Еще один пункт ждет нас, и, быть может, самый пикантный.

Да. Россия – страна «простой, смиренной, кроткой жизни»²¹. Так! А, между прочим, чтобы не слишком далеко искать рукавицу, когда она за поясом, – не представляется ли Вам, что весьма многие из весьма внимания заслуживающих деятелей русской «литературы и жизни»²² к оному Прокрустову ложу отнюдь не прилагаются... начиная с самого автора статьи? В самом деле, не характерно ли, что статья, взывающая к кротости и добродушию, приказывает, то бишь проповедует «смирение» даже по внешности – простите за параллель – подобно тому, к<ак> «проповедуют» его на Марсовом поле?²³ Точно ли это русское благоволение? – не «западная» ли «дисциплина» и «регламент»? Я отнюдь не намерен укорять автора, но нахожу довольно поучительной – не для него одного – эту толстовскую проповедь петровскими средствами.

Впрочем, «застрахованный» критик выдает сам себя своими колебаниями в оценке той, иной, живой, гордой, гнилой и к<ак> ее еще там культуры. На протяжении 8 стр. статьи он трижды меняет эту оценку. В начале он иронизирует над М<ережковским> за его смиренность и отсутствие в нем «трагических» и «титанических» свойств. За сим гремит уже против сих последних, к<ак> предосудительных и лживых; в конце же снова, к<ак> бы внутренне склоняется в их сторону, именуя западную культуру «величавой, пышной и гордой» и лишь отбрасывая те элементы, как ненужные и вредные для нашей культуры²⁴. Итак, что же такое Запад: носитель вечной хотя бы и односторонней и «чуждой» нам истины? или – истины временной и увядшей (буде таковая возможна)? – или, наконец, вечной лжи?

Для Страхова не было этих колебаний. Его идеал был на Афоне²⁵. Не пошлет ли нас туда, не прикажет ли нам, к<ак> Петр Евдоксии, принять великую схиму²⁶ уже приказывающий «смирение» критик?

Еще одно сказание²⁷. Если бы Вы захотели воздать должное онегинским свойствам М<ережковского>, вероятно, Вы не отнеслись бы так строго и к его этюдам о западных вообще и древних в частности писателях²⁸. Теперь же получилась обычная в нашей критике картина: когда восстанавливаешь, так сказать, по критическим прозрениям подлинные критикуемые фигуры, получаешь нечто вполне несоответствующее действительности. В самом деле, та книга, к<ото>рую Вы разбираете, и «Вечные Спутники» – нечто совершенно различное. Уж будто, действительно, в статьях о М<арке> Аврелии или Плинии Мл<адшем> нет «ни намек на историч<ескую> верность действительности» (и даже «само собою разумеется»)?²⁹ Конечно, это – лишь критическая façon de parler³⁰ и доведись самому критику писать на те же темы, вероятно, он не слишком бы уклонился от чертежа М<ережковского> в область русской кротости и смирения. Все эти полемически-критические метафоры и метонимии понятны и неизбежны у гг. Спасовичей и Горнфельдов³¹, но досадны и нежелательны во всемоделешной критике. Из них естественно вытекает то умозаключение, что это не столько разбор «предлагаемой» книги, сколько предлог для разъяснения собственных взглядов. И, как всегда при замене критики публицистикой, сама «инкриминируемая» книга допускает слишком вольное с собой обращение.

Но пора кончить. И без того, кажется, благие намерения, с к<ото>рыми я приступил к сему посланию, плохо осуществились. Если Ваша статья представляет «жестокую благожелательность», то мое писание, по-видимому, есть «благожелательная жестокость». Простите ежели что, писах, переписал³². При скоропалительности письма (а иначе не умею), всегда возможны lapsus'ы. За то Вы имеете случай убедиться в трогательной приверженности моей к Мережковскому. Не правда ли, что, если не по качеству, то по количеству моей защиты, я – достойный его паладин?

D. S. M. своею кровью

Начертал он на щите...³³

А предмет моего сердца – в Петербурге, пишет вторую часть своей трилогии и уже вторую часть этой части³⁴. К весне надеется кончить.

Ну пока прощайте. Пишите. Желаю Вам скорой поправки (уже в собственных интересах) и вообще всяких благ до лавров г-жи Лохвицкой, Вами взыскуемых, всключительно³⁵. – О себе напишу к<ак>-нибудь после: руки устали. Еще, чего доброго, растянешь нерв. И было бы с чего: в течение октября, кроме громадной переписки, изготовил листов 5 «очерков» о Венеции и венец<ианской> живописи³⁶. Теперь погружен в гамлетовский вопрос: «где печатать?»

Передайте мой поклон многоуважаемой Екатерине Сергеевне.

Ваш П. Перцов

Примечания

¹ Речь идет о тесте Никольского Сергее Николаевиче Шубинском (1834–1913), редакторе «Исторического вестника».

² Никольский прислал отгиск своей статьи о Мережковском (см. примеч. 2 к п. 13).

³ За и против (*лат.*).

⁴ Имеется в виду статья В.Д. Спасовича «Д.С. Мережковский и его „Вечные спутники“» (Вестник Европы. 1897. № 6. С. 559–603).

⁵ Подразумевается письмо Мережковского от 6 ноября 1897 г. (см. примеч. 9 к п. 14).

⁶ Большой роялист, чем сам король (*фр.*).

⁷ Ср. в статье Никольского: «...блуждая по всему миру, он не мог, наконец, не попасть на родину. <...> Финал истории о блудном сыне должен был повториться и с ним, к его собственному душевному благу. <...> Паломник ко святым местам культуры, он пришел на поклон и к русским художникам, – и вдруг увидел в них нечто большее, чем во всех других...» (Исторический вестник. 1897. Ноябрь. С. 599, 600). *Отверженный* – Юлиан Отступник, которому был посвящен первый том трилогии Мережковского «Христос и Антихрист».

⁸ Пословица звучит так: A half truth is a whole lie.

⁹ В статье Никольского тема духовного скитальчества является лейтмотивом (на первых страницах речь идет об «эстетическом» и «умственном» «паломничестве» Мережковского, а ближе к финалу (с. 600) появляется и отсылающий к Пушкинской речи Достоевского термин «скиталец»: «...одинокому скитальцу»).

¹⁰ Здесь подразумеваются статьи, вошедшие в трехтомник «Борьба с Западом в нашей литературе» – «Ряд статей о русской литературе» (1864 г.), «Герцен» (1870 г.).

¹¹ Никольский называет Мережковского: «Беспочвенным любителем культурных форм...», «беспочвенным питомцем западных идей...» (Там же. С. 598, 601), а особенности его самосознания связывает с тем, что его юность пришлась на годы борьбы «нигилизма» с «классицизмом» (Там же. С. 596). См. также: Там же. С. 599.

¹² «Безвременьем» принято было называть 1880-е гг.

¹³ Герой поэмы Пушкина «Цыгане», с которого Достоевский в Пушкинской речи начинал ряд русских «скитальцев».

¹⁴ Ср. в письме Никольского от 25 марта 1897 г. (п. 11).

¹⁵ Речь идет о Петре Великом.

¹⁶ «Будьте мудры яко змии и кротцы яко голуби» (Мф. 10: 16).

¹⁷ Выражение «гниющий Запад» бытовало с 1840-х г.; приписывается С.П. Шевыреву.

¹⁸ *Коренные законы* – основные законы государства (термин М.М. Сперанского).

¹⁹ Цитата из «Евгения Онегина» (или собственно из одноименной оперы – из ариозо Ленского): «Приходит час определенный».

²⁰ Имеется в виду «писчий спазм», обсуждавшийся в других письмах.

²¹ Имеется в виду финал статьи Никольского: «Недовольно ли увлекаться чужим, – не увлечься ли своим, родным, не вернуться ли домой? Быть может, в формах этой жизни, простой, смиренной и кроткой, и найдет наш культурный паломник тот дух примирения, ту гармонию, которых он не находил и которые так тщетно пытался вложить усилиями “субъективной критики” в формы другой культуры, величавой, пышной и гордой, но чуждой его доброй и смиренной природе» (Исторический вестник. 1897. Ноябрь. С. 601).

²² Название рубрики, которую вел в «Русском богатстве» Н.К. Михайловский, главный идейный противник Перцова в те годы.

²³ Место проведения военных парадов в Петербурге.

²⁴ См. цитату выше, в примеч. 21.

²⁴ Страхов побывал на Афоне и оставил воспоминания о своей поездке – очерк «Воспоминание о поездке на Афон (1881 г.)», вошедший в его книгу «Воспоминания и отрывки» (СПб., 1892. С. 1–47); очерк датирован 9 сентября 1889 г. На Афоне Страхов увидел «одно из чистейших воплощений того животворного начала, которое составляет истинную душу русского наро-

да», «поприще и училище святости», составляющей «высший идеал русских людей, начиная от неграмотного крестьянина и до Льва Толстого» (Там же. С. 10).

²⁶ Перцов ошибочно называет Евдокией Евдокию Лопухину, первую жену царя Петра, насильно постриженную в монашество с именем Елена.

²⁷ Измененная цитата из «Бориса Годунова»: «Еще одно, последнее сказанье...»; сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

²⁸ См.: Исторический вестник. 1897. Нояб. С. 599–600.

²⁹ См.: Там же. С. 600.

³⁰ Манера выражаться (*фр.*).

³¹ Критики «Вестника Европы» и «Русского богатства» Владимир Данилович Спасович (1829–1906) и Аркадий Григорьевич Горнфельд (1867–1941).

³² Парафраз слов Пилата «Еже писах – писах» (Ин. 19: 22).

³³ Измененная цитата из стихотворения Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...»; вместо «А. М. D.» (Ave Mater Dei) поставлены инициалы Мережковского.

³⁴ Имеется в виду роман «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи»).

³⁵ Речь идет о желании Никольского получить Пушкинскую премию. Мирра Лохвицкая была награждена «половинной» Пушкинской премией в 1897 г.

³⁶ Эти записи стали основой книги Перцова «Венеция», законченной в 1897 г. (впервые опубли.: Новый путь. 1903. Март; под назв.: «Венеция. Путевые очерки»; подп.: Владимир Ф.). Ср. в письме Перцова к отцу из Венеции от 7 (19) сентября 1897 г.: «Здесь я, конечно, целые дни хожу, смотрю и пр., как обычно. Я сделал попытку исполнить Ваше и собственное желание: начал записывать. Но вот что значит профессия: писать для себя не могу и, вместо того, стал писать “для публики”. Не знаю, что из этого выйдет. В кармане у меня теперь лежит книжка и в ней каждый день делаются беглые заметки, <ото>рые потом имеют развернуться в замечания, сообщения и рассуждения, если хватит охоты и терпения» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 75).

16

*Б.В. Никольский – П.П. Перцову
27 ноября 1897 г., Петербург*

27 ноября 1897 г.

Слоновая 64.

Многоуважаемый
Петр Петрович,

Отвечаю в порядке своих мыслей, а не вашего письма. Так выйдет короче, а для вас и понятнее, потому что вы свое письмо, вероятно, уже забыли. Первая и главная ваша ошибка, при оценке моих мыслей, та, что вы видите во мне «верного ученика Страхова». Конечно, я у Страхова многому научился, конечно, я высоко ставлю и его характер и его взгляды; но из того, что я у него учился, не следует, что я его ученик. Говорю это и в том смысле, что точка зрения у нас нередко совсем различная, и в том, что об одних и тех же предметах мы с ним судим совершенно различно: напомним вам хотя бы Л. Толстого¹. Между тем вы мою критику Мережковского рассматриваете, как будто бы она была написана Страховым и притом не тем Страховым, который действительно существовал на свете Божиим, а тем, который создан в вашем воображении и у которого идеалы на Афоне (у подлинного Страхова они были гораздо ближе²). Вы возражаете по поводу моей статьи и Достоевскому, и Страхову, и Григорьеву³; но не мне, да и в сущности даже не на мою статью. По вашим словам,

«собственно дело здесь не в Мережковском», а по-моему именно в нем и только в нем. Мережковский слишком маленький человек, чтобы стоило на нем серьезно разбирать мысли Достоевского о русском «скитальчестве»⁴. Все то, что вы об этих мыслях Достоевского говорите (хотя и не упоминая Достоевского – впрочем, один раз упоминаете – и разбирая их не как его личный взгляд, а как некоторое объективное явление), все это верно или неверно только с точки зрения Достоевского, которой я на Мережковском проверить вовсе не собирался. Мой взгляд совсем другой: я беру Мережковского как самостоятельное и обособленное целое, как маленького, но соразмерного представителя небольшой и в культурном отношении почти незаметной эпохи нашего недавнего смутного времени. Алеко решал вопросы страстей, которые тревожили Пушкина, Рудин решал более затейливые, но зато и более мелкие вопросы, а Мережковский был духовно изувечен классической гимназией, филологическ<им> факультетом, Веселовскими, Миллерами⁵ и т.д., а с другой стороны студенческими беспорядками, нигилизмом, «либеральными» эстетиками и т<ому> под<обным>. Это характерно не для одного М<ережков>ского: он для меня типичный представитель искренней, добросовестной, серьезной, но одно-сторонне (эстетически) развитой молодежи, которая именно по односторонности своего развития беспомощно и стадно подчинялась наиболее модным политическим доктринам. Анафема на Мережковского, произнесенная ныне «либеральными» судьями, не безынтересный симптом: он честно думал в своей области, т. е. в области искусства, ну и впал, разумеется, в ересь, и отлучен с позором⁶. Честь ему за то и слава. Никакой исторической связи его с другими «скитальцами» я не вижу; связь тут в сходстве *типа*, умственного характера. Я говорю о Мережковском то, что Пушкин сказал об Онегине: «он просто добрый малый, как вы да я, да целый свет», а между тем «глядит в Наполеоны»⁷. Чужими-то идеалами увлекаются именно те слабые, которым до своих додуматься трудно усилиями самосознания, – т. е. именно всего чаще по закону контраста. Никакого смирения и прочего я не пропагандирую и не приказываю, прежде всего потому, что вовсе не считаю его объективной добродетелью. Но смиренные идеалы свойственнее натуре Мережковского, чем титанические образы, которые он, пыжась, старается изобразить наиболее себе родственными. Ведь я культуру противопоставляю не культуре, а «доброй и смиренной природе» самого Мережковского⁸. Я не к Мережковскому отношусь отрицательно и не к великолепию (глубоко мною ценимому и чувствуемому) богатой западной культуры, а к усвоению Мережковским совершенно ему неподходящих идеалов. Причину же такого несообразного усвоения я вижу в недостатке самосознания с его стороны. А этот недостаток именно тем и объясняется, что человек-то он хороший, да маленький: как хороший человек, он тянется к серьезным, важным вопросам, а как человек маленький, ничего с ними поделывать не может. Еще: я иронизирую не над отсутствием в Мережковском титанических и др<угих> свойств, а над тем, что он, вовсе этими свойствами не обладая, старается ими отличиться.

Я не стараюсь, уверенный забавно
 Во всемогуществе болтанья своего,
 Им в людях изменить людское естество⁹,

но я – не обижайтесь, пожалуйста, за Мережковского, я вовсе не для обиды все это говорю, а просто для ясности дела – я лягушке говорю: не раздувайся в вола¹⁰, только насмешись. Я не говорю Мережковскому: будь тем, чем я хочу тебя видеть, а напротив, я говорю ему: будь самим собой, – в этом все дело! Выше себя не вырастешь, как ни старайся; а каков бы ты ни был, самим собою быть все-таки лучше, чем каким-то гермафродитом духовным. Предпочитаю, чтобы человек стал из моего друга моим врагом, лишь бы этою ценою заставить его быть самим собою. А натура Мережковского (поскольку я, конечно, ее понимаю) такова, что он руководителем быть не может: ему нужна готовая почва, положительная догма, которой бы он мог быть восторженным, несносным, но все-таки почтенным последователем. В этом смысле я, пожалуй, готов сблизить Мережковского со «скитальцами» Достоевского, но не исторически, а как тип переходной культуры в одном из его самых миниатюрных проявлений. А говорить по поводу Мережковского о Петре Великом, мировом призвании России и т. п. высоких предметах было бы, конечно, просто смешно. Зато одно ваше замечание вполне верно, – я, действительно, пересолил, но не по смыслу, а по выражению, в отзыве о статьях, кас<ающихся> М<арка> Аврелия и Плиния: я говорю о тоне изображения¹¹, а у меня вышло как будто я говорил о фактической стороне дела. Но публицистики тут никакой нет, – это вы напрасно.

Если хотите, я еще более обобщу сказанное о Мережковском. В его книге я действительно вижу симптом и симптом знаменательный: в ней самозаклание всякого «скитальчества», т. е. отречения от своей жизни ради чужих идеалов. Такое отречение возможно лишь в натурах несамостоятельных и слабых, живущих на готовом, – в духовном смысле, конечно. Такого готового они как-то до сих пор не умели найти, – дома, всё из заграницы думали выписать; а вот Мережковский и дома находит готовые кумиры. Со времени его книги «скитальчество» прекращается для стоящих на одной с ним точке зрения из культурной слабости в антикультурное извращение. Все равно, опомнится ли сам Мережковский или нет: сказанное верно и для него. – Всё это я и изложил в моей статье, и вы только потому пожелали от меня чего-то другого, что предположили у меня точку зрения, с которой я никогда не судил.

Вместе с сим отправляю вам библиографическую редкость: отпечатанный в числе 25-ти экземпляров отгиск моей ненапечатанной статьи¹². Она была принята в Нов<ое> Вр<емя>, но остановлена Сувориным (отцом). Я послал было ее в Русский Вестник, но и оттуда «ни отзыва, ни слова, ни привета»¹³. Вообще говоря, мне жаль, что так вышло: статья несомненно должна была бы явиться ударом Соловьёву; но в частности, конечно, всё это вздор; жаль только потерянного времени и неполученного гонорара, для которого я собственно это время и тратил. Хотя в статье, особенно в первой ее части, мною высказано и кое-что не полемическое. Впрочем, читайте сами.

Нового сообщить вам ничего не могу: я зубрю как гимназист и читаю газеты, в чем и состоит вся моя умственная жизнь. Единственное, за чем я наблюдаю, хотя и не читая С<анкт->Петербур<ургских> Ведомостей, – это болгаринская эпопея Ухтомского¹⁴. С большим нетерпением ожидаю развязки: кто, когда и как его изловит и повесит на газетном поле. Блудлив, нахален, жаден и подл этот субъект нестерпимо; но, по-видимому, финтить уж ему недолго. Поторопился мальчик, ну, и разбросался: и китайский банк¹⁵, и газетные делишки, – долго ли сорваться? Это нечто вроде Сигмы¹⁶, только Сигма и талантливей, и умнее.

А вы теперь в Риме – говорят, хорошее место. По крайней мере, единственное, где бы мне интересно было побывать. Ни карты, ни рисунки, ни изображение не заменят впечатлений очевидца. Разумеется, я говорю не об эстетическом интересе, а лишь о топографическом. Ради эстетического интереса я не только в Рим, а даже и на Петербургскую сторону не всегда способен собраться. Впрочем, все это требует таких пространных пояснений, что я сказанным ограничиваюсь, тем более, что вы не примете и сами в буквальном смысле того, что только что написано.

Вы обещаете написать о себе: пожалуйста, пишите. Вы уж не первый мой корреспондент из Рима, и мне было бы очень интересно сравнить ваши впечатления.

Покамест до свиданья

ваш
Б. Н.

Примечания

¹ Страхов боготворил Толстого, об отношении Никольского можно судить по записи от 19 марта 1898 г. (*Дневник*. Т. 1. С. 149).

² К мнению Никольского здесь близок Розанов, писавший о Страхове в статье «Вечная память»: «Его отношение к религии ... было полно, но не ярко, не напряженно; форма веры была целостна, не разрушена, но была бледность в ней, как бледны бывают полные черты в слабо проступившем негативе. Взамен этого, было нечто другое в этом чувстве ... постоянное *памятование* религии. <...> Он ... отрицал отрицания, и ненавидел их, презирал; но его невозможно было ввести в утверждения...» (Русское обозрение. 1896. Окт. С. 631; *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 356). Напротив, Перцов подчеркивал внутреннюю религиозность Страхова. Ср. в письме к Розанову: «В его удивительных воспоминаниях об Афоне мне кажется, едва ли не лучшее, чем где бы то ни было, выразилась глубокая религиозность его духовной природы, то скрываемое стремление к “неведомому Богу” которое таилось, как ядро, за внешней оболочкой этого критического и философского ума. Страхов не остановился, по Вашим словам, ни на какой религиозной системе (да его критицизм и не мог позволить ему этого), но в нем была сердцевина всех религиозных построений – не имяя *религии*, он имел *веру*. Во всем – в личном общении, также как в книгах, чувствовалось, что этот человек жил как бы в ожидании Бога. И если Он открылся ему только за гробом – тем достойнее его бдение здесь. В этом именно и была тайна обаяния Страхова – именно потому так ясно раскрывалась около него религиозная сущность жизни и так властно было исходившее от него (и им самим, без сомнения, не подозреваемое) наставление» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 77).

³ Ап.А. Григорьев упомянут здесь как мыслитель, близкий почвенникам Достоевскому и Страхову.

⁴ См. п. 15 и примеч. 8 к нему.

⁵ В своей статье Никольский касается этой темы, но трактует ее в более мягком тоне (ср.: Исторический вестник. 1897. Нояб. С. 594, 596). В письме упомянуты Александр Николаевич Веселовский (1838–1906) и Орест Федорович Миллер (1833–1889).

⁶ См. об этом: Там же. С. 600–601.

⁷ Цитаты из «Евгения Онегина», вторая – измененная (гл. VIII, стр. VIII; гл. II, стр. XIV).

⁸ Никольский в своей статье советовал Мережковскому отказаться от своих «титанических» увлечений и обратиться «к скромной, простой жизни людей одного с собою закала, – людей смиренных и добрых» (Там же. С. 595), а в конце статьи еще раз сказал о его «добрый и смиренной природе» (Там же. С. 601).

⁹ Измененная цитата из стихотворения Е.А. Боратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры».

¹⁰ Образ из басни Эзопа.

¹¹ Ср. высказывание Никольского о переводах Мережковского: «Тщательная, гладкая и немного манерная, немного высокопарная проза г. Мережковского слишком монотонна и однообразна, чтобы уловлять особенности слога великих мастеров» (Там же. С. 599).

¹² Из дальнейшего контекста, а также из письма Перцова к Розанову от 4 декабря 1897 г. становится ясно, что речь идет о брошюре «Суд над Пушкиным».

¹³ Первая строка стихотворения А.Н. Апухтина (1867 г.).

¹⁴ Князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921), редактор-издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» в 1896–1917 гг., сравнивается с Ф. Н. Булгариным.

¹⁵ Кн. Ухтомский в 1896 г. стал председателем правления Русско-китайского банка, а в декабре того же года вошел в правление Маньчжурской железной дороги. Ср. о нем в дневниковой записи Никольского от 15 июля 1897 г.: «Проныра Ухтомский везде юлит. И вот из таких пролаз выходят – тоже! – “государственные люди”. <...> Грязная шайка проходимцев» (*Дневник*. Т. 1. С. 104).

¹⁶ *Сигма* – литературный псевдоним Сергея Николаевича Сыромятникова (1864–1934).